



Марина
СЕРОВА

**Фата
пропавшей
невесты**



РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Фата пропавшей невесты

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Фата пропавшей невесты / М. С. Серова — «Эксмо»,
2018 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

ISBN 978-5-04-094741-6

За две недели до свадьбы пропадает невеста – Люся Большакова. Подруга Люсиной матери, давняя знакомая частного детектива Татьяны Ивановой, нанимает ее, чтобы Люсю найти. Причем сделать это надо срочно, сохраняя исчезновение девушки в тайне, ведь ее будущий муж – сын скорого на расправу криминального авторитета Самойлова. А если до Самойлова дойдет информация о том, что невеста пропала, не поздоровится никому...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094741-6

© Серова М. С., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Понедельник	6
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Марина Сергеевна Серова

Фата пропавшей невесты

© Серова М. С., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Понедельник

Мне было холодно, сыро и голодно. Холодно и сыро потому, что испепеляющая жара, от которой изнемогал мой родной город Тарасов, две недели назад сменилась на постоянные дожди, интенсивность которых варьировала от мелкого моросящего до обвального ливня, и синоптики ничего хорошего не обещали. Солнце объявило забастовку, темные тучи мигом заняли оставленные противником позиции и висели над головой с неумолимостью дамклова меча. Все нормальные, в смысле состоятельные люди (а других клиентов у меня уже давно не было) уехали за летом в теплые края, а оставшиеся или боролись с неприятностями собственными силами, или махнули на них рукой, решив, что как-нибудь само рассосется. А нет клиентов – нет и денег. Ну не давать же мне было, в самом деле, объявление: «Частный детектив Татьяна Александровна Иванова ищет работу»? Отложенная на отдых валюта, как ни экономно я ее расходовала, активно таяла, как снег по весне, потому и голодно. А накрывшая меня черная полоса неприятностей пробила в моем бюджете такую брешь, что как ни старайся, а не заткнешь – что уж тут об отдыхе говорить? Впрочем, лучше уж я по порядку.

В пятницу моя давняя подруга пригласила меня к себе на дачу: банька, что было мне совсем не лишним, чтобы хоть так согреться, шашлыки, вечер с бокалом вина перед горящим камином и прочие прелести отдыха на природе, но в цивилизованных условиях. Главное же – она дала мне честное слово, что не будет никаких посторонних мужчин, и я согласилась. Дело в том, что я не замужем и не собираюсь, вот все мои замужние подруги и задались целью непременно меня окольцевать, а то несправедливо получается: они мучаются, а я что, святая, что ли? Нет уж! Пусть и я похлебаю семейного счастья полной ложкой! Впрочем, пара разъяснительных бесед с ними, порой и с применением ненормативной лексики, сделали свое благое дело, и меня оставили в покое, но я не знала, надолго ли, вот на всякий случай и подстраховывалась.

Выходные прошли прекрасно! Даже вконец испортившаяся погода – сильнейший ливень, гроза и штормовой ветер, сломавший в саду несколько довольно толстых веток на деревьях и сваливший забор к соседям, не смогли испортить нам отдых. Непогода даже добавляла ему некоторую романтичность: разбушевавшаяся стихия бросала в стекла окон потоки воды, билась в них ветками растущих рядом кустов сирени и жасмина, голодным волком завывала в трубе, а мы в тепле и уюте наблюдали ее тщетные попытки прорваться к нам.

Разъезжались мы утром в понедельник в самом радужном настроении. Небеса, видимо, изрядно поиздержались и отправились за новой порцией влаги в закрома, так что ливень сменился на моросящий мелкий дождичек. Воздух был чист и свеж, дорога в город – свободна, потому что нема дурных в грозу на даче оставаться. В общем, отдохнула я замечательно. И даже то, что мое место на стоянке возле дома было занято каким-то наглым внедорожником, не смогло испортить мне настроения – ну, пройду немного дальше, делов-то?

Романтика резко закончилась прямо на пороге подъезда моего дома: домофон не работал, лифт – тоже, света не было, а где-то наверху бушевал неслабый скандал. Пришлось подниматься по лестнице. По мере того как я приближалась к своему седьмому этажу, звуки яростной перебранки становились все громче и громче, и тут я услышала, как в самых причудливых сочетаниях с очень неприличными словами все произносится мое имя. Это добавило мне такое ускорение, что я взлетела наверх мухой и увидела возле своей двери нашего участкового, на удивление трезвого слесаря из ТСЖ и толпу донельзя возбужденных соседей, что в разгар рабочего дня выглядело довольно странно. При виде меня соседка с шестого этажа, обычно милая и интеллигентная женщина, находившаяся сейчас в буйно-неадекватном состоянии, бросилась на меня с каким-то утробным рычанием и попыталась вцепиться в волосы. Я вовремя уклонилась, и она встретилась со стеной, что только добавило ей ярости. Конечно, имея черный пояс по карате, я могла бы быстро и качественно ее утихомирить, но черт его

знает, как у нее со здоровьем. А то ведь одно-единственное движение могло надолго развести нас в разные стороны: ее – в травматологическое отделение ближайшей больницы, а меня – в места гораздо более отдаленные от родного дома.

– Уберите от меня эту психическую и объясните, что вам нужно в моей квартире! – перекрывая общий ор, потребовала я.

– Ты весь стояк залила! – бесновалась в чьих-то руках соседка снизу, большое красное пятно на лбу которой грозило вскоре расцвести всеми красками, да так, что шпаклевать соскучишься, но я тут ни при чем, это она сама.

– Этого не может быть! – твердо заявила я. – Я уезжала на все выходные и перед уходом из дома все проверила. Можете сами убедиться.

Я отперла дверь своими ключами и первой шагнула в прихожую – на полу стояла вода высотой сантиметра два-три. Я бросилась в глубь квартиры – везде было то же самое. Ковер на полу напоминал только что вытащенную из воды губку, и, наступив на него, я услышала противное хлюпанье. Застыв от ужаса, я попыталась осмыслить размер катастрофы, но мозг отказывался это воспринимать. Не рискнувшие последовать за мной, соседи шумно обсуждали, сколько и кому я должна в качестве возмещения ущерба, нанесенного домашнему имуществу, слесарь же, побывав и в кухне, и в ванной с туалетом, вернулся к ним и развел руками:

– Нигде ничего не течет и все краны закрыты. – Соседи мигом заткнулись и уставились на него, как на заклятого врага. – Может, это...

Он посмотрел вверх, все, в том числе и я, воззрились туда же – на потолке, вдоль шва между плитами перекрытия шла широкая темная полоса, из которой равномерно и часто падали крупные капли, но в общем гвалте этого никто раньше не услышал. И в наступившей мертвой тишине громом небесным раздался чей-то растерянный вскрик:

– У-у-у-ё-ё-ё!

– Значит, это я вас залила? – Мгновенно очнувшись, я взвилась, как кобра на хвосте, был бы капюшон, и его раздула бы. – Извиниться никто не хочет?

Но меня уже никто не слушал. Толпа подхватила участкового и слесаря, как прибой щепки, и унесла их на восьмой этаж к квартире виновницы «торжества». Конечно же я пошла за ними, мне тоже было что ей сказать. Соседи бились о дверь искомой квартиры, как те же волны о берег, а та безмолвствовала. Наконец на шум вышел старичок-сосед и объяснил, что хозяйку квартиры еще в четверг вечером «Скорая» увезла в больницу с гипертоническим кризом.

– Ну, все правильно, – сказал слесарь. – Горячую-то воду я только в пятницу утром включил. А она, видать, кран горячей воды открыла, чтобы проверить, не дали ли, а закрыть забыла. А если у нее раковина мелкая, так брызги на пол и летели. Вот и набралось. Только квартиру вскрывать придется, а то я воду-то на дом перекрыл. Так если ее снова пустить, снова потоп начнется.

Какое там вскрывать? Соседи готовы были эту дверь голыми руками вместе с косяком вынести! К счастью, не пришлось, потому что у старичка-соседа оказались запасные ключи. Картина, открывшаяся нашему взору, превзошла наихудшие ожидания – мебель не плавала исключительно потому, что пол был дощатый, ничем не покрытый, вот вода в щели и уходила прямым ко мне. И слесарь оказался частично прав: раковина в кухне действительно была мелкая, но хозяйка не только оставила рядом с ней тряпку, но и форточку забыла закрыть, вот ветром тряпку в раковину и сдуло, и она закупорила сток.

Попытка свалить на меня одну сбор воды с пола в этой квартире, на что явно рассчитывала моя соседка снизу, успехом не увенчалась.

– Мне есть где пожить, пока моя квартира высохнет, – небрежно сообщила я ей. – Исключительно в качестве акта доброй воли я могу помочь *вам*. Да и то, если вы извинитесь за то, что необоснованно обвинили меня черт-те в чем.

Ну и куда ей было деваться? Извинилась, как миленькая!

Пока мы собирали воду с пола, старичок стоял в дверях и наблюдал за нами, и, кажется, больше для того, чтобы полюбоваться на наши задницы, чем из опасений, что мы в этой квартире что-то украдем.

– А что с лифтом случилось? – спросила я. – Да и света нет. Опять на подстанции что-то сломалось?

– Ой, что тут было! – обрадовавшись, что тоже может как-то поучаствовать, затараторил он. – В тарелку... Ну, в антенну, что у нас на крыше стоит, молния шандарахнула! А еще... – Он замялся. – Ничего я в этом не понимаю, но, как сказал внук, туда, где магистральный электрокабель проходит, вода попала. На подстанции сработала защита, вот несколько домов без света и остались. Теперь надо ждать, пока починят.

Выжимаемая тряпка выпала из моих мгновенно ослабевших рук и, подняв тучу брызг, опустилась в ведро, а соседка удивленно на меня посмотрела. «Да что же я за кретинка такая! – я даже застонала сквозь намертво стиснутые зубы, чтобы не разразиться выражениями, категорически противоречащими этикету. – Ведь смотрела же я прогноз погоды и видела, что грозу обещали! Ведь говорили же мне умные люди, что в такую погоду телевизоры нужно не только от сети отключать, но и антенну выдергивать! Говорили же, что «грозовые» телевизоры починить практически невозможно. Или возможно, но за такие деньги, что проще новые купить. Все, Танька! Ты осталась без телевизоров! Причем надолго, потому что денег у тебя сейчас нет и неизвестно, когда появятся».

– А когда электричество отключилось? – слабым голосом поинтересовалась я.

– Так позавчерашней ночью и шандарахнуло, а вчера утром аварийка приезжала. Нашли они это место, посмотрели и сказали, чтобы мы свечку в церкви поставили на радостях, что не загорелось ничего. А ведь могло! Только что-то они чинить не торопятся.

– И это к лучшему, потому что лично у меня вода даже в лампочках люстры плещется! – сварливо заметила соседка с шестого этажа. – Теперь нужно ждать, когда все окончательно высохнет, и только потом включать. Причем это касается не только люстры! Розетками тоже нельзя пользоваться. У меня же и по стенам вода бежала!

– Ну да! Это здесь вода в щели уходила, а у меня же линолеум, вот вдоль стен и текло, – машинально объяснила я.

После того как мы собрали всю воду с пола, я лично проверила все краны в квартире и, возвращая старичку ключи, вкрадчиво произнесла:

– Если вы знаете телефон родственников хозяйки этой квартиры, позвоните им и скажите, что ее здесь *очень* ждут! Прямо ногами сучат от нетерпения! Если они не хотят, чтобы она вернулась в больницу, но уже с инфарктом, пусть собирают деньги на ремонт двух квартир.

– Трех, – поправила меня соседка с шестого этажа. – У людей, что подо мной живут, тоже найдется для нее пара слов!

– Значит, трех, – продолжила я. – А еще им придется возместить нам стоимость безвозвратно испорченного имущества.

– Так звонить некому, – пожал плечами старичок. – Одинокая она. Пенсионерка по инвалидности.

О боги! Чего мне стоило сдержаться и не высказаться по полной программе, знают только мои нервы! С тихой надеждой, что, может быть, не все так уж у меня дома и страшно, я пошла к себе, чтобы провести детальную инспекцию.

Ох, зря я на это понадеялась! Собирать воду с пола, когда на нем лежит насквозь пропитанный водой ковер, было бесполезно, и я первым делом позвонила в химчистку, чтобы они срочно приехали и забрали это чудовище. За транспортировку, естественно, пришлось платить мне, но после того, как гавкнулись оба моих телевизора, мне только и оставалось руководствоваться старым изречением: «Сгорел сарай, гори и хата!», потому что эти расходы меня уже не могли разорить. Дальнейшие изыскания доказали обратное, и стало ясно, что предстоящие мне

расходы возросли в разы – диван был мокрый. Весь! Насквозь! Из кресла влага сочилась даже при легком на него нажатии. Книги я даже не стала смотреть, чтобы не расстраиваться. Хуже всего было то, что вода попала в компьютер, и теперь приходилось ждать, когда он высохнет, а уже потом разбираться, что с ним можно сделать. Будь в доме электричество, его можно было бы высушить феном, но на нет... И далее по тексту. Картина в кухне тоже не радовала, хотя, надо признать, ущерба было меньше. Главное, что холодильник еще не успел настолько разморозиться, чтобы полуфабрикаты в морозилке превратились в одно непривлекательное и несъедобное месиво.

Наконец приехали грузчики из химчистки. Даже вдвоем они не без труда вынесли из дома насквозь мокрый ковер, и я взялась за тряпку. Собрав воду с пола, я начала вытирать ее с мебели, но тут же поняла всю бесполезность этого занятия – с потолка продолжало интенсивно капать – между перекрытиями-то вода еще оставалась. Пришлось ограничиться тем, что я расставила в самых опасных местах все имевшиеся в доме тазики и кастрюли, собрала продукты в термопакет, в сумку – самые необходимые на первое время вещи и поехала в квартиру бабушки. Обычно я использовала ее в качестве конспиративной, когда нужно было спрятать клиента или спрятаться самой, а сейчас вот она пригодилась мне по прямому назначению. Конечно, там будет не так комфортно, как в моей собственной, но зато сухо! И телевизор есть, хоть и старый, но исправно работающий. Мысль о том, что я сейчас приму горячий душ, сварю себе кофе, и после всех трудовых подвигов буду наслаждаться заслуженным отдыхом, грела мне душу.

Первые подозрения в том, что мой долгожданный отдых накрылся медным тазом с громким звоном, зародились у меня еще на подъезде к дому, едва я увидела разрытую теплотрассу, возле которой вяло копошились несколько рабочих. С опаской преодолев наваленные и размокшие под дождем кучи земли, я припарковала машину и, забрав сумку и пакет, направилась к подъезду. Но на его двери меня встретило объявление, гласившее, что в связи с ремонтными работами в понедельник холодная и горячая вода будут отключены с девяти до восемнадцати часов, и просьба запастись водой. Помянув тихим незлым словом все на свете управляющие компании, я вернула вещи в машину и отправилась в ближайший супермаркет, где купила две пятилитровые пластиковые бутылки с водой из самых дешевых. Этикетка, гласившая, что это вода из чистейших горных источников, ничего кроме кривой усмешки у меня не вызвала – ага! Плавали! Знаем! В лучшем случае водопроводная! А разлита в подвале неподалеку. Лифт, к счастью, работал, и я совсем было решила, что лимит неприятностей на сегодняшний день исчерпан. Как же я ошиблась!

Едва я открыла дверь, как тут же увидела на полу ручеек воды, который явно брал начало возле окна в комнате, а судя по следам вдоль него, он уже начал подсыхать. Вырвавшийся из моей груди вопль заставил бы покраснеть от стыда всех индейцев Великих Равнин скопом и не мог не переполошить соседей – может, Третья мировая началась, а они и не знают! К счастью, дома оказалась только старушка, хорошо знавшая не только мою бабушку, но и меня. Она выглянула в коридор, увидела меня и осуждающе покачала головой.

– Извините, – промямлила я. – Так, мелкие неполадки в хозяйстве.

Она скрылась, а я, обследовав квартиру, только за голову схватилась. Дело в том, что в последний раз я была здесь еще во время жары. Наглухо закрытая квартира раскалилась настолько, что живо напоминала крематорий, и я распахнула все окна и балконную дверь, чтобы хотя бы призрак сквозняка гулял по комнатам. Потом мне позвонил... Не помню кто, да это и неважно. Но я срочно сорвалась, оставив все открытым – некогда было, видите ли, идиотке, и теперь я имела то, что имела: ливень был с ветром, и вода залила пол и в кухне, и в комнате. Счастье великое, что на полу был линолеум, а то соседи бы меня и здесь уже с кистенем дожидались. Но юмор заключался в том, что на полу лежал палас, в данный момент мокрый насквозь. Пришлось мне снова звонить в химчистку. Приехали все те же ребята и,

увидев меня, озадаченно переглянулись. Услышав мои объяснения, один из них сочувственно пообещал:

– Ну, тогда мы вам сделаем скидку, как постоянному клиенту.

Что мне оставалось делать? Только мысленно взвыть!

Они увезли палас, а я приступила ко второй части Марлезонского балета, благо навык уже имелся. Вытерев полы, я вылила воду в унитаз и машинально нажала на спуск. То, какую глупость я совершила, я поняла, когда мини-водопад иссяк, а хорошо знакомого всем журчания наполнявшегося бачка не слышалось. До неприличия живописно выразившись по поводу своих умственных способностей, я кое-как вымыла руки над тазиком, чтобы хоть так воду собрать, и пошла варить себе пельмени – есть хотелось немилосердно. Дождавшись, когда вода закипит, я бросила их туда и переместилась в комнату, где застелила себе постель, чтобы потом с этим не возиться, включила телевизор и села в кресло перед ним. И тут меня срубило, словно свет выключили, – все-таки досталось мне сегодня изрядно.

Очнулась я оттого, что кто-то не только звонил, но и стучал в дверь. С мыслью, что это соседи снизу, которых теперь уже точно я залила, я понесла свою повинную голову в коридор, по дороге принюхиваясь – откуда-то сильно пахло горелым. Но это была все та же соседка, которая обеспокоенно спросила:

– Танюша, у тебя ничего не горит?

Я бросилась в кухню, а там... Хана пельменям! И кастрюльке тоже! Вся вода выкипела, и они не просто насмерть приклеились ко дну, но еще и почти обуглились. О том, как выглядела сама кастрюлька, я лучше умолчу. Я уже открыла было рот, чтобы от души высказаться насчет всех свалившихся за один день на мою голову неприятностей, и тут же закрыла его обратно, поняв, что даже в моем достаточно богатом лексиконе не найдется настолько неприличных слов, чтобы достойно описать ситуацию. Соседка снова укоризненно на меня посмотрела, выключила под бывшей кастрюлькой газ и молча ушла. А я осталась стоять в кухне дура душой, и единственная мысль, которая пришла мне на ум, была: «А не сглазил ли меня кто-нибудь, потому что столько всего и сразу просто так не бывает». Решив с горя хоть кофе выпить, я уже полезла в сумку за туркой, когда зазвонил мой сотовый. Мне было категорически не до разговоров, но, увидев, что это Лада, я не могла не ответить.

Вообще-то, Клавдию Петровну Полянскую звали Ладой только самые близкие люди, в число которых с некоторых пор вошла и я, чем была необычайно горда, потому что искренне восхищалась этой сильной, умной, деловой и все еще очень красивой женщиной. Она вынесла за свою жизнь столько бед, что другая на ее месте давно сломалась бы. А она не просто выстояла, а всех своих врагов тонким слоем размазала (не без моей, правда, помощи) и теперь заслуженно наслаждалась покоем, счастьем и очень впечатляющим материальным благополучием. Официально она и ее семья являлись владельцами Центрального рынка, частной клиники и российско-германского совместного предприятия «Немецкий дом», но это была видимая часть айсберга, а вот что у нее еще имелось в активах, доподлинно не знал никто. Думаю, что очень немало: деньги Лада делать умела! И этот ее звонок не мог меня не обрадовать. Никаких праздников не предвиделось, настолько близкими подругами, чтобы просто поболтать со мной от нечего делать, мы не были, значит, что-то случилось. Причем не обязательно с ней – ее муж, полковник в отставке Дмитрий Дмитриевич Полянский, владел ЧОПом «Русичи» и любую ее проблему решил бы на раз. Скорее всего, моя помощь потребовалась кому-то из ее подруг, а платили что она, что они очень щедро. А для меня в моих обстоятельствах это было как нельзя более кстати.

– Таня, ты не могла бы срочно, – с нажимом произнесла Лада, – ко мне приехать?

Я была в таком виде, что показываться кому-то на глаза, особенно этой всегда очень ухоженной женщине, было невозможно, но когда пристав говорит: «Садись», как-то неудобно стоять, то есть мой отказ не предусматривался по определению. Что мне оставалось делать?

– Легко! Я как раз еще не успела свою метлу в гараж поставить, – с бесшабашной лихостью идущего на казнь ответила я. – Так что мухой примчусь!

– Ты о чем? – недоуменно спросила она.

– Увидите, – многообещающе заявила я. – У меня здесь некоторым образом форс-мажор.

Наученная горьким опытом, я самым тщательным образом проверила окна, воду и газ и только после этого поехала в коттеджный поселок «Волжанка». Кофе я не выпила, устала до чертиков, нервы на взводе, выглядела ужасно. Естественно, я была взбешена настолько, что могла бы при желании и кипятком плеваться, как закипевший чайник, но по дороге немного отвлеклась, успокоилась и добралась до места уже во вменяемом состоянии. На въезде в поселок охрана пропустила меня, даже не остановив и не поинтересовавшись, к кому я еду, – Лада явно их предупредила. Подъехав к воротам, я вышла, нажала кнопку видеодомофона и, когда раздался сигнал, вошла во двор. Ну, конечно же, меня там уже ждали две огромные белосерые кавказские овчарки, которых я помнила еще развеселыми, любопытными щенками, а сейчас они по размеру больше напоминали медведей. При виде меня они от удивления сели и даже синхронно склонили головы набок – видимо, решили, что это огородное пугало с какого-нибудь деревенского огорода пошло погулять и, возвращаясь домой, ошиблось адресом. Тут я снова разозлилась и пригрозила собакам:

– Даже не подходите! Загрызть не смогу, но покусая точно!

– Да не тронут они тебя. Проходи! – позвала меня с крыльца Надежда.

Эта бой-баба была самой близкой подругой Лады еще с ранней молодости и пережила вместе с ней все перипетии ее нелегкой судьбы, так что была ей больше чем подругой – членом ее семьи. Я никогда не интересовалась, кем она являлась в доме Полянских, но представить его без нее было невозможно. Когда я, не без опаски обойдя собак, подошла к ней поближе и она меня как следует рассмотрела, то только пожала плечами и философски заметила, явно имея в виду мой внешний вид:

– Бывает... Проходи в зал, Клава тебя там ждет. – Надежда была единственной из семьи, кто по-прежнему звал Полянскую ее настоящим именем. – А я пойду насчет кофе тебе распоряджусь. Знаю же, что ты без него жить не можешь.

Ну, дорога была мне знакома, и Лада меня действительно ждала, но вот при виде меня ее глаза округлились, а лицо приобрело выражение ребенка, впервые в жизни увидевшего в цирке клоуна. Я устрещающе поскрипела зубами, но это не произвело на нее ни малейшего впечатления – она еще и не такое видела.

– Таня! Что у тебя случилось? – удивленно спросила она.

– Долго рассказывать. Скажите лучше, что у вас, – подчеркнула я, садясь в кресло, – случилось.

– А я еще не знаю, случилось или нет, – медленно произнесла она. – Дима сейчас выясняет подробности, а потом приедет и расскажет. Но я на всякий случай решила подстраховаться и обратилась к тебе. Это может быть просто недоразумение, а может...

Продолжать она не стала, но я и так поняла, что встревожена она не на шутку. Тем временем появилась Надежда с бокалом кофе в руке – она изысканной сервировки не признавала. Поставив его передо мной, она устроилась на диване, сграбастав вольготно расположившегося там толстого кота и положив его себе на колени, на что животинка никак не отреагировала – видать, привыкла, что ее, как игрушку, тискают.

– Пей кофе и рассказывай, что у тебя стряслось, – потребовала Лада. – Ты пойми, я не из любопытства спрашиваю. Если все так плохо, как я опасаясь, то ты мне будешь нужна в нормальном, рабочем состоянии, а не в раздрызганном, как сейчас, – объяснила она и пообещала: – Если это в моих силах, то помогу.

На меня тут же навалились воспоминания о сегодняшнем безумном дне, и я, забыв о кофе, который даже не попробовала, начала свое эпическое повествование. Постепенно я

увлеклась и встала с кресла. Расхаживая по комнате и яростно жестикулируя, я описывала свои приключения, а когда закончила, воздела руки к потолку и, глядя туда же, взмолилась:

– Господи! Ну неужели я так много прошу? Я всего лишь хочу, чтобы было тепло и сухо! Ладно! С «тепло» явный перебор, нельзя желать невозможного! Но хоть сухо-то может быть?

Разрядившись и успокоившись, я посмотрела на Полянскую и увидела, что она сидит, закрыв лицо руками, и ее плечи дрожат от смеха. Перевела взгляд на Надежду, а та, сотрясаясь всем телом, давилась беззвучным хохотом. Даже валявшийся кверху пузом кот, судя по выражению его морды, глумился надо мной самым наглым образом. Я обиженно хлюпнула носом и отвернулась к окну. Как оказалось, обе псины, привлеченные моим голосом, сидели напротив окна на газоне, все слышали и теперь откровенно веселились. Тут я разозлилась всерьез и, честное слово, ушла бы, несмотря ни на что, если бы меня не остановила Полянская:

– Ты, Таня, не обижайся! Мы же не со зла. Просто ты все это так забавно рассказывала, что невозможно было удержаться.

– Да-а-а, Таня! Это действительно перебор, – покачала головой Надежда и подвела итог: – Значит, ты у нас холодная, мокрая и голодная. Ну, последнее – самое простое. Пойду скажу, чтобы тебе пока бутерброды сделали, а как Димыч вернется, уже все вместе и поедем основательно. Хотя ты тут у нас человек не посторонний, могла бы и сама сказать, что есть хочешь. Знаешь же, что у нас здесь без церемоний.

– Ага! Вот прямо с порога и заявила бы: покормите, мол, меня, – все еще обиженно буркнула я.

– А почему нет? Это же я тебя срочно сорвала, – возразила Лада. – И неприятностями своими голову не забивай! С ремонтом, как все высохнет, я тебе помогу, компьютер Димины умельцы посмотрят, а насчет телевизоров, так к нам тут партия из Германии должна прийти. Grundig. Настоящие, фирменные. По закупочной цене тебе их отдам.

– У меня нет денег, – развела руками я. – А дорогие подарки я, сами знаете, не принимаю.

– Значит, должна будешь и потом отработаешь, – отмахнулась она и вздохнула: – Не дай бог, уже очень скоро. Эх, мне бы твои проблемы!

Бутерброды были под стать Надежде – такие же крупные, но привередничать не приходилось, и я стала их есть, запивая уже остывшим кофе. Вскоре у Лады зазвонил сотовый.

– Ну что, Дима? – Она явно говорила с мужем, потому что старшего сына, тоже Дмитрия, дома звали Митей. – Поняла. Приезжай. Я тут Таню Иванову пригласила. Будем думать, что делать.

Отключив телефон, она длинно и шумно выдохнула, помолчала, покачала головой, а потом очень серьезно произнесла:

– Значит, тебе все-таки придется поработать. – И попросила подругу: – Надя! Скажи там, чтобы Тане Ванькину комнату приготовили.

– Лада, я вам о своих неприятностях вовсе не для этого рассказала! – запротестовала я.

И тут впервые за все время нашего знакомства она рявкнула на меня:

– Мозги включи! Вся информация будет сюда поступать! Что же нам? В испорченный телефончик играть? Так, не знаю как ты, а я из детского возраста уже вышла! Ты ешь, а я пока пойду и кое-кому позвоню.

Она вышла из комнаты, а я, обалдевшая от такого обращения, осталась сидеть с надкусанным бутербродом в руке в компании с Надеждой, которая, окликнув меня, выразительно постучала себе костяшками пальцев по лбу:

– Ты бы думала, прежде чем рот открывать! Тут такое случилось, что... – Она обреченно махнула рукой и размашисто перекрестилась. – Господи! Не дай беды!

– Что-то с Иваном? – осторожно спросила я. – Раз его комната свободна...

– Да нет! – отмахнулась она. – Не с ним. Просто после Светкиной свадьбы он как с цепи сорвался.

– То есть она его не простила? А я так надеялась, что они помиряются.

– Да мы все надеялись, – вздохнула Надя. – А она сказала как отрезала: «Предавший еди-ножды, кто поверит тебе?» Вот и все! И замуж вышла! Муж у нее серьезный парень. Он здесь в Тарасове какой-то московский филиал возглавлял, хорошо себя проявил, вот и пошел на повышение – его в Екатеринбург перевели. И она с ним уехала, беременная уже. А Ванька с горя в загул ушел. Ну, ты Клаву знаешь, у нее характер железобетонный. Потерпела она недельку – ждала, что он одумается, да зря! Вот она его с глаз долой в квартиру Тимофевны и отселила. И предупредила, что если его гулянки на работе скажутся, то она его уволит к чертовой матери, и пусть дальше живет как знает. Обиделся он страшно и с тех пор сюда ни ногой. А с месяц назад Клава не выдержала и якобы по делам «Немецкого дома» его в Германию отправила. А на самом деле, я так думаю, – к Ванде! Ванька же из-за нее Свету бросил, вот пусть теперь на ней и женится, пока не измотался вконец.

– И он уехал?

– Уехал! А толку? Нужен он Ванде! Ага! – язвительно хмыкнула она. – Это когда она голь перекатная была, так еще терпела его, а как богатой наследницей стала и кучей родни за границей обзавелась, так на хрен он ей сдался? Улетел он в Германию, а недели три назад... – Она что-то прикинула в уме и сказала: – Да, где-то так. В общем, неважно. Вернулся он оттуда! Ни с чем! Ну и пуще прежнего загулял! Клава у него даже машину отобрала – разобьется же по пьяному делу. А две недели назад он с матерью на работе так поскаandalил, что она его из кабинета выгнала, да еще и кричала вслед: «Чтоб ноги твоей больше здесь не было!» Он ей тут же – заявление об увольнении по собственному желанию, а она его немедленно подписала! Это мне ее секретарша позвонила и по секрету рассказала. С тех пор Клава в первый раз Ванькино имя произнесла, когда велела тебе комнату приготовить, а так о нем в доме и разговора нет.

– А если он влипнет во что-нибудь? Или окрутит его какая-нибудь шалашовка?

– А пожиток с него какой? У него же ничего своего нет: ни квартиры, ни машины, ни работы. Он теперь парень бесперспективный. Ничего! Перебесится и к матери на поклон придет – куда ему еще деваться? У него же ни гроша за душой нет. Только учти, что я тебе ничего не говорила.

– Само собой, – заверила ее я и поинтересовалась: – Так с кем же беда случилась?

– А вот это пусть тебе Клава сама расскажет, – буркнула она.

– Ну что ж, подожду, – согласилась я.

Лады не было довольно долго, и мне ничего не оставалось, как доедать бутерброды. Наконец она появилась.

– Весь город на ноги подняла, – вздохнула она, садясь напротив меня, и попросила: – Надя, скажи, чтобы Татьяне еще кофе сделали, да и мне тоже.

Надежда вышла, а Лада внимательно посмотрела на меня и предупредила:

– Таня! Все, что я сейчас скажу, должно остаться в этой комнате навсегда!

– Вы меня уже не один год знаете, так что это излишне, – ответила я, ничуть не обидевшись: раз Лада подняла весь город на ноги, значит, дело было очень серьезное.

– Ну, слушай! Тебе такое имя – Большакова Ольга Николаевна – ничего не говорит?

– Сеть кафе «Фантазия» по всему городу, гостиничный комплекс «Волна» и многое другое, – ответила я.

– Правильно! Она из наших.

Развернутых пояснений мне не требовалось. «Наши», иначе именуемые «женсовет», было сообществом серьезных бизнес-леди и жен первых лиц области и города, которые из тени, через своих мужей, не привлекая к себе внимания, руководили жизнью региона, и получалось у них это очень даже неплохо. Во всяком случае, на фоне соседних наша область выглядела намного более привлекательной по всем показателям. Когда-то Лада и сама притворялась великосветской дурочкой, но в силу ряда весьма серьезных обстоятельств ей пришлось «явить

себя миру». Мы с ней об этом никогда не говорили, но мне казалось, что именно она и является руководителем этого «женсовета», в чьих возможностях я убедилась, когда за ней, тяжелораненой, кто-то из ее подруг миготом отправил вертолет МЧС. Да и другие случаи были. В общем, это была очень серьезная сила.

– У нее пропала дочь Людмила. Сегодня. Из свадебного салона «Марьяж». Она поехала туда на примерку подвенечного и венчального платьев. По-хорошему, надо было бы их заказать у портнихи, но время поджимает, так что выбрали два самых лучших и их ей стали по фигуре подгонять. Люсю надо найти во что бы то ни стало! Срочно! И тихо! Скандала быть не должно! Иначе свадьба сорвется, а этого допустить нельзя!

– Лада! Я не Царевна-лягушка и лебедей из рукава выпускать не умею, но обещаю сделать все, что в моих силах. И давайте перейдем к делу. Если Люся исчезла незадолго до своей свадьбы, то это или побег из-под венца, или похищение. Если второе, то целей может быть три: требование выкупа, желание сорвать свадьбу или вызвать скандал, которого вы так стараетесь избежать. В любом случае мне нужно знать об этой семье все в мельчайших подробностях. И сразу первый вопрос: почему поисками Люси занимаетесь вы, а не Большакова?

– Ольга по очень серьезной причине не может, а Люся моя крестница. Кроме того, ее еще и охранял парень из «Русичей». Точнее, это водитель-охранник Ольги, а когда Люся приехала, он стал возить ее, – объяснила она. – А по поводу подробностей... Ну, слушай! Только Назаров, это бывший Ольгин муж, служил после политеха в армии, в какой-то секретной части. Это в самом конце восьмидесятых было. И встретил там Ольгу – она после окончания кулинарного училища по распределению в столовой поварихой работала. Девчонка совсем. Красивая была необыкновенно. Влюбился он в нее, поженились они, и привез он ее сюда уже в качестве законной супруги. У него с матерью двушка была, то есть жить, в общем-то, было где, но свекровь Ольгу в штыки приняла: ее сын институт окончил, а у невестки училище за плечами и больше ничего. Вот и шпыняла ее. А тут новая напасть – нет детей, и все тут. И опять Ольга во всем виновата. А потом в стране бардак начался. Завод, где Толька и Ольга работали, закрыли, и Назаров запил с горя. Пенсию свекрови задерживали, вот Ольга одна на себе всю семью и тянула – наскребла денег и начала пирожные наполеон печь, а по вечерам, когда народ с работы шел, на остановке возле Центрального рынка их продавала. Необыкновенно вкусные они были, миготом их расхватывали, некоторые специально стояли и ждали, когда она их принесет. Да я и сама у нее покупала. Там-то мы с ней сначала познакомились, а потом и подружились. Поделилась она со мной своей бедой, что детей нет, и я ей хорошего врача посоветовала. Ну и оказалось, что она совершенно здорова, нужно мужу проверяться. Заикнулась она было об этом, а он такой скандал устроил, что она больше к этой теме не возвращалась – жизнь у нее и так тяжелая была, а тут еще и новые скандалы могли начаться.

– Но в результате бесплодным оказался он, – уверенно произнесла я.

– Да, только выяснилось это через много лет, – подтвердила она и продолжила: – Ну, дело у Ольги пошло, стала она только печь, а продавать – девчонку наняла. Потом прилавок уже на рынке арендовала, чтобы на улице не стоять. А неподалеку от нее мужик один торговал – тоже без работы остался, когда его НИИ закрыли. Вот он и пошел, куда взяли, чтобы семью прокормить. Умный, симпатичный, интеллигентный...

– Я уже поняла, – покивала я. – Ольга родила от него.

– Да! – кивнула Лада. – Девочку, как она и мечтала. Только мужик об этом до сих пор ничего не знает. Бабка в долгожданную внучку вцепилась, так что Ольга с дочерью хлопот не знала. Вкалывала как лошадь, благо появилось для кого, потому что отношения с Толькой разладились окончательно. И начала она потихоньку разворачиваться: сначала одна кондитерская, потом вторая... Ну и так далее.

– А Анатолий?

– Он скорбел по загубленной жизни и пил на заработанные женой деньги, а пойти хоть кем-нибудь работать, чтобы копейку в дом приносить, было ниже его достоинства. И мать его всю поддерживала – у него же высшее образование. Машина у них была старенькая, так Ольга скандалами заставила его хоть пирожные на точку возить, а он с похмелья в аварию попал, и вся продукция – в месиво! А машина – в хлам! Ну, когда она в люди вышла, квартиру отдельную большую купила, тут и он преобразился, такой холеный стал, хоть на обложку глянцевого журнала помещай, как образец успешного бизнесмена. Даже пить бросил. Зато начал налево ходить, но Ольге было на это плевать с самой высокой колокольни, потому что давно уже каждый жил своей жизнью. И тут, двенадцать лет назад – Люсе тогда десять лет было – Толька не просто очередную девку себе завел, а развестись захотел. И до того эта шалава ему голову задурила, что он решил тест ДНК сделать, чтобы проверить, а его ли дочь Люся. Естественно, выяснилось, что нет. И разбушевался этот подонок так, что с кулаками на Ольгу кинулся. Ну, она тоже не просто так на рынке столько лет провела, нашлось у нее, чем и как ему ответить. Люся к нему с криком «папа» бросилась, а он на нее матом, что не дочь она ему, что нагуляла ее мать неизвестно от кого. В общем, орал так, что Люся потом полгода заикалась. Свекровь тоже в стороне не осталась, свои три гроша подбросила, всю ее любовь к внучке как бабка отшептала.

– Развод и раздел совместно нажитого, к которому он не имел никакого отношения? – спросила я, хотя и так была уверена в ответе.

– Правильно поняла. Алиментов, естественно, никаких. Из Назаровых Ольга с Люсей Большаковыми стали, девочке школу пришлось сменить, потому что они в съемную квартиру подальше от Тольки в другой район переехали, да и как одноклассникам объяснишь, почему у тебя вдруг фамилия другая? Но это все ерунда. Главное – бизнес. А как Ольге было его делить, если она его потом и кровью создавала? Это же как по-живому резать. Ну, мы, конечно, подсуетились. Сумма получилась совсем не та, на которую Толька рассчитывал, но все равно весьма внушительная. Ольга ему еще и свою и дочкину доли в квартире отдала, машину, в долги влезла, банк, опять-таки, помог под минимальный процент...

– Тот, где муж Евгений работает? – уточнила я.

– Конечно, – кивнула Лада. – Ольга аж почернела вся. Но ничего, сообща помогли мы ей, выкарабкалась она, с долгами рассчиталась, новую квартиру купила. Расцвел у нее бизнес лучше прежнего.

– С Назаровым больше проблем не было?

– Ну, куда же без них? – невесело рассмеялась Лада. – Эта шалава за год из него все деньги до копейки вытянула. А еще она все твердила, что ребенка хочет, вот и заставила его обследоваться. Тут-то и выяснилось, что он не может иметь детей – следствие службы в армии. И подала она на развод, да еще и компенсацию за моральный ущерб захотела получить – она думала, что вышла замуж за полноценного мужчину, а он, оказывается, ущербный. В общем, вернулся он к своей мамаше гол как сокол. Попытался с Ольгой встретиться и получил от ворот поворот. Сунулся к Люсе, а она от него, как черт от ладана, шарахается. Ольгина охрана провела с ним разъяснительную работу, и больше он их до самой своей смерти не беспокоил – спился он начисто. Ну а мать его в этом, конечно же, Ольгу обвиняет: дескать, не пожалела она, стерва такая, раскаявшегося мужа. Не приняла обратно.

– Итак, у Ольги все замечательно...

– У нее все очень плохо! – перебив меня, с болью произнесла Лада. – Но я по порядку. Люся девочка домашняя и очень умная. Ну, языки и все прочее – само собой, но она ведь с золотой медалью физико-математический лицей окончила и на физфак поступила. Видимо, в своего родного отца пошла. Была какая-то международная олимпиада или что-то в этом духе по программированию, и она там первое место заняла. А там были представители американского Стэнфордского университета и ей выделили... или как там это называется? В общем,

неважно. Короче, дали гранд на продолжение обучения там. Вот Люся четвертый курс закончила и уехала туда. Там и доучилась.

– И как только ее Ольга отпустила? – покачала головой я.

– Так Люся девочка самостоятельная, неглупая, ко всяким авантюрам не склонная. А тут... – Лада отвернулась и довольно долго молчала, а потом все-таки сказала: – Короче. Вскоре после того, как Люся в Штаты уехала, у Ольги обнаружили опухоль. Мы ей предлагали прооперироваться в Израиле или в Германии, а она отказалась. Она даже биопсию делать не стала, здесь лечилась. А опухоль-то растет!

– Почему она не захотела оперироваться? – удивилась я.

– У каждого из нас свои тараканы в голове. Вот и у Ольги они есть. Она считает, что у нее рак, и если тронуть опухоль, то потом уже ничего не поможет, начнется его ускоренное развитие и в результате – верная смерть. Она все время тянула, ждала, когда Люся из Штатов вернется, тогда и прооперируется. Боялась, что без нее умрет и даже попрощаться не сможет. И сообщать ей о своей болезни она не хотела – сорвется дочка в Тарасов, будущее себе ломает, а американский диплом, тем более такого университета, дорогого стоит. И за Люсю она очень боялась – их ведь всего двое на белом свете.

– А родители Ольги? – удивилась я.

– Они в Средней Азии жили. В девяностые там погибли – местные тогда русских целыми семьями вырезали, а женщин перед этим еще и насиловали. Даже совсем девочек. Если бы Ольга не уехала по распределению, а там осталась, то и она погибла бы. А все трупы тогда за город вывозили и в одну яму сваливали, так что и могилы не найти.

– Да-а-а, лихо ей пришлось, – только и могла сказать на это я. – Но давайте к делам сегодняшним вернемся. Как я поняла, Ольга решила выдать дочку замуж за надежного человека, который Люсю никогда не обидит. Так?

– Вот именно. Она, чтобы быть за дочку спокойной, решила выдать ее за Георгия Самойлова. Я и его, и его отца знаю как облупленных.

– А его отца зовут случайно не Виктор Александрович? – спросила я.

Лада в ответ кивнула, и я крепенько призадумалась. Дело в том, что указанный господин в девяностые был крупным криминальным авторитетом и пользовался в определенных кругах очень большим влиянием, к его мнению прислушивались, а в некоторых вопросах оно было решающим. Людей у него под началом было более чем достаточно, так что любые попытки «наезда» на него имели для инициаторов этой затеи весьма плачевный результат. То есть то, что таковые попытки были, знали все, что закончились они для Самойлова благополучно – тоже, но вот дальнейшую судьбу решившихся на них наглецов никому, в том числе и тогда еще милиции с прокуратурой, отследить не удалось. Исчезали, словно их никогда и в природе-то не существовало. На атомы расщепились, что ли? Сама я, естественно, те времена не застала, но слышала эти истории от людей, достойных всяческого доверия. Что касается Георгия, то яблоко от яблоньки недалеко упало. Дело в том, что пару лет назад ко мне обратились муж с женой, чья дочь, молодая красивая девушка, Наташа Куликова, покончила жизнь самоубийством, вот они и хотели выяснить, что ее до этого довело, потому что в прощальной записке ничего, кроме слов любви к родителям и просьбы простить ее, не было. Она только написала, что после того, что с ней сделали, не может больше жить. Вскрытие показало, что девственности она давно лишилась, но беременна не была.

И я все выяснила! Причиной самоубийства был Георгий, точнее, то, как он с ней общался. Он поспорил со своими дружками, такими же подонками, как он сам, что влюбит в себя любую девушку, на которую они укажут. И они выбрали ему жертву. И девушка-простушка из обычной семьи посчитала этого мерзавца принцем на белом коне – в сериалах по телевизору ведь постоянно показывают, как Золушки за таких замуж выходят. Влюбить в себя эту наивную девчонку для прожженного негодяя Георгия было легче легкого. Соблазняя ее, он клялся

в вечной любви, обещал жениться, а когда наигрался, бросил ее, причем цинично и публично унизил ее человеческое достоинство, практически размазал, раздавил. Она не выдержала и, вернувшись домой, написала прощальное письмо родителям, а потом пошла на крышу, откуда и прыгнула. А это был четырнадцатизэтажный дом. Выяснить-то я все выяснила и родителям девушки рассказала. Но не все, потому что не хотела подвергать их опасности. Предположим, эти простые люди пошли бы в полицию, а что дальше? Изнасилования же не было, все происходило по обоюдному согласию. То, что этот подонок ее на посмешище выставил и опозорил, неподсудно, а доведение до самоубийства доказать очень сложно. Даже если бы их заявление приняли в полиции, в чем я сильно сомневаюсь, адвокаты у Георгия были бы самые лучшие. Они бы его еще и не от такого отмазали, а вот сами родители могли бы пострадать, если бы вообще в живых остались – с Санычем, как звали в городе старшего Самойлова, никто не рисковал связываться.

Поэтому я не стала комментировать выбор такого жениха для Люси – успею еще, а стала расспрашивать Ладу дальше:

– То, что Ольга дочь больше жизни любит, я поняла, а вот как к ней Люся относится? Все-таки она из-за матери в детстве серьезную психологическую травму получила, раз полгода заикалась.

– Она ее любит и жалеет, и отношения у них доверительные. Когда Люся немного подросла, Ольга ей все рассказала, и девочка ее поняла. Они даже скорее подруги, а не мать и дочь, потому что подруг-сверстниц у Люси никогда не было. Ее интересовали книги и учеба, а не мальчики, прически и тряпки, как остальных девчонок. Я же тебе говорила, что она домашняя, самостоятельная и рассудительная девочка.

– То есть мать объяснила ей необходимость этого брака, и Люся согласилась выйти замуж без любви и даже без симпатии? Только исходя из здравого смысла? – уточнила я.

– Люся Юрку, как мы Георгия зовем, с детства знает, хоть он ее почти на десять лет старше. Дима по Ольгиной просьбе Юрку со всех сторон насквозь просветил и ничего порочащего его не нашел. Его отец тоже на четвертом десятке женился, когда нагулялся всласть. И взял он не пропитую и прокуренную прошмандовку, которая только и умеет, что по клубам и кабакам подолом трясти, а серьезную, скромную девушку. Я ее хорошо знаю, из нее и жена получилась замечательная, и хозяйка в доме отличная, и мать заботливая. А сам он стал таким мужем, что лучше и пожелать нельзя, и ни разу ей не изменил, потому что баб уже во всех видах видел, его удивить нечем.

– Может, просто хорошо конспирировался? – предположила я.

– Ну, мы бы это все равно узнали, – усмехнулась Лада. – Так что не сомневайся, не изменял он жене. Вот и сына своего он так воспитал. Юрка свое уже отгулял, так что хорошим мужем станет, налево не пойдет – чего он там не видел? Он экономическую академию окончил и сейчас отцу помогает. Со временем бизнес к нему перейдет, потому что старик дочерей уже отделил, приданое им солидное дал, а основное – это сыну, продолжателю дела и рода. В общем, со всех сторон очень достойный брак.

– А сейчас-то Люся знает о диагнозе матери?

– Да! Ольга ей в первый же вечер все объяснила. Девочка в рыд рыдала и все мать корила за то, что та ей сразу ничего не сообщила, она бы все бросила и домой вернулась. Ольга сейчас в моей клинике лежит, чтобы сил набраться и свадьбу нормально пережить.

– А если у Люси были свои планы? Может, у нее в Тарасове парень остался, который ее ждал, или она себе в Америке парня завела?

– По поводу Тарасова могу тебе точно сказать, что парня у нее не было. Да ты сама подумай, себя в ее годы вспомни, ты бы своего любимого человека на целый год без присмотра оставила?

– Правы вы, Лада, не рискнула бы, – честно ответила я.

– То-то же! А по поводу Америки, так Ольга постоянно по скайпу с ней общалась, и Люся ни разу ни о каком парне даже не заикнулась. Ты пойми, Люся девочка симпатичная, но своей внешностью никогда не занималась, у нее одна учеба на уме была. Вот и в Штатах она себя очень хорошо проявила, ей даже предложили остаться там работать, а она сказала, что подумает, с мамой посоветуется. А тут, как узнала об Ольгиной болезни, так все вопросы с работой в Америке мигом сами собой закрылись.

– А что собой представляет Георгий? Ну, кроме того, что он от души нагулялся. Да и нагулялся ли? – спросила я, чтобы узнать ее мнение об этой сволочи, потому что свое у меня уже было.

– Не сомневайся! Нагулялся! – уверенно заявила Лада. – Дима точно выяснил, что с тех пор, как Саныч и Ольга о свадьбе договорились, а было это еще до возвращения Люси, возле Юрки ни одной девчонки даже близко не появлялось. Он только со своими друзьями встречался.

– Опять-таки, мог конспирироваться, – заметила я. – Может, ему этот брак – как серпом по известному месту?

– Таня! Саныч человек непростой, но сына насильно женить не стал бы. Да! Это брак по здравому смыслу. Ольге нужно было устроить судьбу дочери, а Санычу – женить сына на нормальной девушке, а не на клубной потаскухе. Но раз Юрка с ним согласился, то понимал последствия того, что будет, если по его вине свадьба не состоится. Да Саныч за такой позор его просто кастрирует, в том числе и на голову. У него разговор короткий!

– И все-таки, что представляет собой Георгий? – снова спросила я.

– Ну, он красавчик, на пианино и гитаре играет, поет, язык подвешен. Танцует хорошо. Девки на нем всегда висли.

А вот тут она была права! Действительно висли, только заканчивалось для некоторых из них это трагически. Интересно, как же Дмитрий Георгия проверял и не нашел за ним ничего предосудительного? Не иначе как передоверил это кому-то, а тот и заморачиваться не стал. Но об этом я с Полянскими потом поговорю.

– Значит, у нас, с одной стороны, красавец-мужчина, а с другой – серая умная мышка. Знаете, Лада, как говорит Жванецкий, что-то мешает мне поверить в эту латынь, – с сомнением произнесла я. – Пусть даже они были знакомы, но из-за разницы в возрасте хорошо знать друг друга не могли. Потом они год не виделись...

– Подожди! Во-первых, Ольга с Люсей поговорила и все ей объяснила. Во-вторых, на следующий день она устроила прием в честь возвращения дочери, мы с Люсей еще ездили ей наряды покупать, потому что она такими вещами никогда не интересовалась. Джинсы с футболкой натянет, на ноги кроссовки, волосы в хвост соберет, и все. Ей так удобно, а то, что выглядит как девчонка с окраины, – ей без разницы. Так что приодели мы ее, я ее к своему мастеру отвела, волосы ей в порядок привели, и все в один голос сказали, что выглядела она очень достойно.

– Все – это кто? Ваш женсовет со чады и домочадцы?

– Наши, само собой, но и кое-кого со стороны пригласили. В общем, молодежи было много, так что Люсе было с кем поболтать, рассказать об Америке и так далее.

– То есть она не только с Юрием общалась? – уточнила я.

– Ну, естественно! Странно было бы, если еще ни коня, ни воза, а она бы уже в него вцепилась или он в нее. Это уже потом Люся и Юрка не раз встречались и через неделю устроили помолвку. А свадьбу назначили через месяц. Две недели из него уже прошли, остались две. А после свадьбы Ольга собиралась полететь в Израиль на операцию. Она уже обо всем договорилась, все оплатила и так далее. Главное, чтобы не поздно было. А теперь представь себе, что Ольга узнает об исчезновении Люси? Она же этого просто не переживет! Поэтому я и сказала, что девочку нужно срочно найти.

– А с Люсей не мог произойти какой-нибудь несчастный случай? Машина сбила, на гоппостоп взяли, да тысячи причин могут быть!

– Таня! Больницы, морги и все остальное обзвонили в первую очередь. Нет ее нигде.

– Но как все произошло?

– Подробностей не знаю. Вот сейчас Дима приедет и все нам расскажет.

– Лада, если это похищение с целью выкупа, то с требованием денег будут звонить именно матери. Сегодня, может, не станут, чтобы нервы помотать, а вот завтра...

– Ну, ты других-то глупее себя не считай! – перебив меня, поморщилась она. – Я попросила глушить все сигналы в районе клиники, а людям объяснят, что на принимающей вышке какая-то неисправность и предложат пользоваться больничными стационарными телефонами. А вот все звонки на телефон Ольги будут отслеживаться. Не только на сотовый, но и на домашний с рабочими.

Да уж! Ничего не скажешь, Лада все предусмотрела.

– А о помолвке Люси и Юрия в городе знают? – поинтересовалась я.

– Кому надо, знают, а почему ты спрашиваешь?

– Потому что пойти против невесты сына Саныча, то есть против его семьи, мог только безумец или человек, равный ему по положению. Никто другой просто не рискнул бы. Это же все равно что войти в клетку с голодным тигром-людоедом и надеяться, что выйдешь живым.

Лада подумала и внесла поправку:

– Или человек, который не знает, с кем он связался, – времени-то сколько прошло. Сейчас Саныч уважаемый бизнесмен и спорные вопросы может мирно урегулировать.

– Думаю, у него и сейчас найдутся веские аргументы для решения возникших проблем, – заметила я. – Кстати, вы ему сообщили, что Люся пропала?

– Нет! – резко ответила она. – Что бы ни случилось, ее исчезновение он сочтет позором для своей семьи, и свадьбы не будет. Я это сделаю в том единственном случае, если нам, то есть тебе и Диме, не удастся быстро найти Люсю. Вот тогда я обращусь к нему за помощью. И уж он-то, будь уверена, ее точно найдет.

– Позор для семьи! – хмыкнула я и язвительно пробормотала себе под нос: – Недаром говорят, что все шлюхи к старости становятся очень богомольны.

Как ни тихо я это произнесла, Лада меня услышала и явно собралась ответить кое-что малоприятное, но, к счастью, тут раздался оглушительный собачий лай, и овчарки со всех ног бросились к воротам – ну все ясно! Хозяин приехал!

– Надя, скажи, чтобы накрывали, – попросила Лада и, когда та вышла, недовольным тоном обратилась ко мне: – Иди руки помой.

Я, конечно, вышла, хотя до этого ела бутерброды этими же самыми руками, и никто меня их вымыть не отправлял, но Ладе явно нужно было поговорить с мужем наедине, вот я и не стала возражать, поэтому не спешила и возвращаться. Когда я снова вошла в комнату, стол был уже накрыт и Дмитрий даже есть начал – видимо, раньше ему не до этого было, вот и проголодался, а Лада и Надежда ждали меня. Судя по выражению лица Полянской, новости были самые неутешительные.

– Садись, Таня, – пригласила меня Лада. – После ужина все обсудим.

Значит, я оказалась права: дело – швах, вот она и решила, что не стоит портить никому настроение и аппетит. Ужин прошел почти что в траурном молчании, а потом мы все перебрались в кабинет Дмитрия, причем и Надежда с нами со словами:

– Авось чего толковое присоветую.

Когда все расселись, Дмитрий начал:

– Докладываю. Водитель-охранник, как и велели, приехал к дому Большаковой в одиннадцать сорок, чтобы отвезти Люсю на примерку, которая была назначена на двенадцать часов. Салон «Марьяж» располагается на улице Московской, то есть это пешеходная зона. Но на этой

же улице находится одно из Ольгиных кафе, поэтому автомобиль снабжен пропуском и может проезжать к кафе, но не стоять возле него. Водитель высадил Люсю возле салона и дождался, пока она войдет внутрь – там своя охрана. Затем он проехал к кафе и оставил машину там во дворе, после чего проследовал до салона и стал ждать Люсю в его холле. Ждал до пятнадцати часов, а потом забеспокоился, потому что хоть платьев и два, но до этого примерки так долго не проходили, и он решил поинтересоваться, не случилось ли чего. А ему ответили, что Люся извинилась, сказала, что очень плохо себя чувствует, и попросила перенести примерку на другой день, что и было сделано. Потом она прошла в туалет, а работники салона занялись своими делами. Как она ушла, ни они, ни охранник возле двери не видели. Данные с камер видеонаблюдения салона и других находящихся вокруг него магазинов Люсю не зафиксировали. Таким образом, она могла выйти только через черный ход, который ведет во двор. Днем дверь прикрывается, но не запирается, потому что девушки выходят курить. А туалет находится как раз в коридоре, который к этому выходу и ведет. И камерой наружного наблюдения этот выход не оборудован.

– Минутку! – остановила его я. – Салон «Марьяж» – это старый жилфонд, дом какого-то там купца. Во дворе стояла деревянная халабуда, ее снесли и образовался «сквозняк» на Чапаева, можно пройти никем не замеченным.

– Это так! Мы там все обследовали и выяснили, что пройти можно, хотя и сложно, потому что строение сломали, но доски и все прочее не вывезли, все так и валяется. Но, к сожалению, на Чапаева нет ни одного дома, оборудованного наружным видеонаблюдением.

– А на выездах с Чапаева на Ленина и Первомайскую не смотрели? Там на углу Чапаева и Первомайской ювелирный магазин, камера обязательно должна быть.

– Таня, мы выяснили, во что Люся была одета, какой расцветки у нее был зонт – дождь же шел, но никого даже отдаленно напоминающего ее на записях нет, а мы просмотрели все, какие только возможно, и с Ленина, и с Первомайской. Пробыли хозяев всех машин, которые попали на записи, и сейчас с ними беседуют, а еще изучают записи с видеорегистраторов.

– А с чем она ушла из дома?

– А вот здесь начинается самое интересное. Мы подумали, что она могла вернуться домой, и позвонили на квартиру, но никто не ответил.

– А что, домработницы у них нет? – удивилась я.

– Есть, но приходящая по вторникам и пятницам. Она приносит продукты, готовит и убирается, – объяснила Лада, а Дмитрий продолжил:

– Тогда мы поехали туда и поговорили с охранником. И оказалось, что Люся выходила из дома два раза. В первый раз она вышла, когда еще девяти не было. Одетая была, как обычно, в джинсы, кроссовки и ветровку, которую из Америки привезла, у нее была с собой небольшая джинсовая сумка, которую она через плечо носит. Она вернулась в начале двенадцатого, опять-таки налегке. Во второй раз она вышла из дома уже при полном параде, в красивом костюме, с зонтом и дамской сумочкой и больше не возвращалась.

– Телефоны? – спросила я.

– Распечатки и с домашнего, и с ее смартфона уже есть, все звонки с самого момента ее возвращения из Штатов, но ничего подозрительного в них нет. Сейчас ее телефон вне зоны и не пеленгуется.

– Я потом сама распечатки посмотрю, – пообещала я. – Хотя, если она с кем-то связывалась через вайбер или скайп, мы этого без ее смартфона узнать не сможем.

– Я же говорю, ничего подозрительного, – настойчиво повторил Дмитрий.

Ссориться с Полянским я не собиралась. Пока! Это дело будущего. Я ему еще выскажу все, что думаю по поводу его сыщицких способностей! А сейчас нужно было просто раз и навсегда поставить его на место. Деликатно, но твердо! И я сказала:

– Не обижайтесь на меня, Дмитрий, но вы военный, а я была следователем прокуратуры, причем неплохим, как утверждают совершенно не заинтересованные лица. Да и потом я себе на жизнь не уборкой подъездов зарабатывала. Если бы я оказалась никчемным частным детективом, то ваша жена вряд ли обратилась бы ко мне, причем уже не в первый раз.

Естественно, он обиделся, но для меня было главным, что Лада не вмешалась и не стала защищать мужа, а платит-то мне именно она. И я как ни в чем не бывало продолжила:

– А с тем охранником, который сегодня утром сменился, вы беседовали? Если Люся сегодня утром куда-то ездила, то в выходные вполне могло что-то случиться. Кстати, вы по камерам наблюдения не узнали, в какую сторону она хотя бы отправилась?

– В сторону троллейбусной остановки, – недовольно буркнул он. – Люди сейчас по всему маршруту записи с камер наблюдения просматривают. Как только появится информация, мне тут же сообщат.

– Значит, со вчерашним охранником вы не беседовали и в квартире Большаковых, естественно, не были, – даже не спросила, а констатировала я. – А побывать там надо, чтобы выяснить, взяла она с собой документы или нет. Если у нее с собой только общегражданский паспорт, это нормально, но вот если и загранпаспорта в квартире нет, то тогда это точно побег. Без вариантов.

– Куда?! – подскочила на месте Лада.

– В Штаты. Судите сами: Люсе предлагали остаться там работать. О том, что она отказалась, Лада знает только со слов Ольги. А если все было иначе? Девушка возвращалась домой через Москву, о болезни матери еще ничего не знала, она вполне могла подать в посольство документы, в том числе и загранпаспорт, на рабочую визу. Приехала домой, а здесь ей, как обухом по голове, – срочно выходи замуж, причем не за того, кого ты сама выберешь, а за того, кого тебе мать нашла. А ей этот брак, причем с практически незнакомым человеком, ни с какого бока не уперся! Люсе и мать жалко, но и себя – тоже, у нее ведь и свои планы на жизнь могли быть, о чем никто почему-то не подумал. А она не вещь! Не раба! Не собственность мамина, которую та, пусть даже из самых лучших побуждений, может по своему выбору кому угодно презентовать! Люся живой человек, и жить она хочет своей жизнью, а не той, которую ей навязали! Она год в Америке самостоятельно прожила и не пропала. Вот она и не стала возражать, а сама тем временем следила через Интернет, когда будет готова виза. Обычно она делается месяц, но поскольку Люся уже прожила в Америке год и ни в чем противозаконном замечена не была, ее могли сделать и быстрее. Итак, она узнает, что виза готова. Заказать билеты – дело нескольких минут, а с деньгами, я полагаю, у нее проблем нет. Из дома она ушла без вещей, чтобы внимание не привлекать, а смартфон в любую дамскую сумочку поместится. Из салона Люся ушла в двенадцать, а хватились ее только через три часа, так что на дневной рейс в Москву она вполне успевала. Да и в посольство тоже. Как бы она сейчас уже в самолете в Штаты не летела.

– Таня! Ты ее не знаешь, а мы знаем! Она не могла так с матерью поступить! – возмутилась Лада.

– А мать могла с ней так поступить – отдать замуж за практически чужого человека? – невинно поинтересовалась я. – И потом, может, там, в квартире на столе письмо лежит, в котором она все объяснила?

– У меня есть ключи от Ольгиной квартиры, поехали! – подхватила Лада. – А ты, Дима, позвони и скажи, чтобы выяснили, не покупала ли Люся билеты на поезд или самолет. Да и на автобус тоже. Ну, если она только сбежала, я ее своими руками убью!

Полянский взялся за телефон, а я все-таки не выдержала и сказала:

– Лада! Я еще не забыла, как Иван в свое время Свету бросил и к Ванде переметнулся. Что же вы тогда не вмешались и не заставили его жениться на Свете, которой он чуть жизнь не сломал? Вместо этого вы терпеливо ждали, когда он сам определится, что для него в жизни

важнее. И если бы Ванда его не отфутболила, он бы и сейчас в Германии торчал. Что же вы теперь на Люсю срываетесь?

– Здесь другая ситуация, – огрызнулась она. – Ольга тяжело больна.

– Другая? Ой ли? – воскликнула я. – А мне вам не напомнить, что вы, вообще-то, тоже в полушаге от смерти были и выжили чудом. Ну и где тогда был Иван? Рядом с вами? Нет! Он на ваши же деньги вокруг Ванды, как собачонка, бегал! А о родителях даже слышать не хотел!

– Тебе обязательно было мне сейчас об этом напоминать? – взорвалась она.

– Мне уехать? – невинно поинтересовалась я. – Конфиденциальность, как всегда, гарантирую. Хотя после того, как вы весь город на уши поставили, необходимость в ней, в общем-то, отпала.

Полянская явно боролась с желанием послать меня по широко известному адресу, а я мысленно проклинала себя на чем свет стоит – ну какого черта я тут изображала из себя борца за свободу угнетенных народов? Нужно было просто тихо действовать, чтобы спасти Люсю от этого брака, а не бить себя пяткой в грудь. Наконец Лада справилась с собой.

– Метлу можешь не заводить, мы на машине Дмитрия поедem, – как ни в чем не бывало сказала она. – Тебе же все равно сюда возвращаться.

– Лада, вы меня простите, пожалуйста, – произнесла я, стараясь, чтобы мой тон был максимально покаянным. – Просто количество свалившихся на меня за один день неприятностей зашкалило, вот нервы и не выдержали. Не мое это, конечно, дело, пусть Ольга и Люся сами между собой разбираются, кто прав, а кто – нет. А поеду я на своей машине – мне же надо домой заскочить и кое-какие вещи взять, потому что у меня с собой ничего нет.

– Завтра успеешь, а халат я тебе дам, косметику тоже, – отмахнулась она. – Нельзя нам сейчас время терять! Пойду переоденусь.

Она ушла, а я, словно ничего и не произошло, напомнила Дмитрию:

– Вы позвоните и скажите, чтобы выяснили адрес и телефон охранника из дома Большаковых, который сегодня утром сменился.

– Если бы ты не с Ладой собачилась, а меня слушала, то знала бы, что я уже распорядился, – сухо ответил он.

Дальше мы ждали Ладу молча, только Надежда вдруг почему-то оживилась – ей явно пришла на ум какая-то мысль, и когда Полянская вернулась, она впервые подала голос:

– Слышь, Клава, а может, у Люси с ориентацией чего не так?

Лада вытаращилась на нее во все глаза и собралась было соответствующе ответить, но Надежда ей не дала:

– Нет, ты погоди! В Тарасове у Люси парня не было, в Америке – тоже, а вдруг она себе там подружку завела?

– Ну ты сказала! – возмутилась Лада.

– А чего? – не сдавалась Надя. – У них теперь, что в Америке, что в Европе, мужиков считай что не осталось, сплошь пидоры. Ну и куда бабам деваться? Только, фигурально выражаясь, общаться между собой. Ты почему думаешь, эмигранты азиатские в Европе местных баб бьют и насилюют, а мужики за них не вступаются? Да потому, что мужикам-то этим теперь бабы без надобности. Это у нас русский мужик не допустит, чтобы черные к нашим девкам приставали. Да что я тебе говорю, вспомни, как индустрики черных метелили, если они к нам лезли? Одно удовольствие было посмотреть. Вот и в Америке тоже – нет мужиков. Люся вполне могла себе кого-то присмотреть из девчонок в университете. Юрка тут, может, к ней с поцелуями полез, а ей это противно, вот она к подружке в Америку и сбежала.

Полянская выразительно pokrутила пальцем у виска:

– Ты, Надя, телевизор поменьше смотри, а то еще и не до такого додумаешься. – И уже нам скомандовала: – Поехали!

И под недовольное бурчание Надежды: «Есть мне когда этот телевизор смотреть, если я весь день по дому, как юла, кручусь», – мы наконец вышли из дома и сели во внедорожник Дмитрия.

Где-то на полдороге в город у него зазвонил сотовый. Выслушав собеседника, он, несмотря на то что вел машину, повернулся ко мне и выразительно произнес:

– Люся город не покидала, и никаких забронированных билетов на ее имя нет. Если вдруг появятся, мне тут же сообщат.

– Слава тебе, господи, – с облегчением вздохнула сидевшая впереди Лада.

– Ну, что ж, если ее загранпаспорт отыщется дома, значит, я окажусь не права, – согласилась я.

В квартиру Большаковых мы попали без всякой задержки – Ладу охранник хорошо знал. Она тут же бросилась искать загранпаспорт Люси, а я села к компьютеру, который, естественно, оказался запаролен, а поскольку девушка была в этих делах большим специалистом, то я даже не попыталась его взломать – пароль из пятнадцати знаков, тут и хакер запарится, что уж обо мне говорить? Встав, я стала осматриваться в этой огромной квартире: все было стильно, модно и безлико, никто и не пытался наводить здесь уют – больной Ольге было не до него, а у Люси, видимо, просто не нашлось для этого времени. Или желания.

Наконец раздался торжествующий вопль Полянской:

– Есть! Нашла! – А потом и она сама появилась с Люсиным загранпаспортом в руках. – Ну вот! А ты говорила, что она сбежала!

– А она и сбежала, – напомнила я. – Пусть не в Штаты, но сбежала ведь. А раз она город не покидала, то теперь придется повозиться, чтобы ее найти. Надо бы вам, Дмитрий, гостиницы, мотели, хостелы и все прочее проверить – вдруг она в одном из них?

– Сейчас распоряжусь, – заверил меня Полянский, доставая сотовый.

– Но вот что я подумала, – продолжила я. – Если, как вы, Лада, говорите, Люся так любит мать, то не могла она ее не предупредить. Понимала ведь, что шум поднимется, когда она исчезнет, может до матери дойти, а той сейчас только нервотрепки не хватало. Позвоните-ка вы Ольге и осторожно поинтересуйтесь насчет Люси. Только повод придумайте такой, чтобы она ничего не заподозрила.

Полянская посмотрела на часы – было уже довольно поздно, – покачала головой, но потом все-таки подошла к стационарному телефону, поставила его на громкую связь, позвонила в свою клинику и попросила пригласить к телефону Ольгу Николаевну из второго люкса. Через несколько минут в комнате раздался удивленный женский голос:

– Лада, ты чего так поздно? Я уже спать легла.

– Понимаешь, Олюшка, я сегодня несколько раз пыталась дозвониться тебе на сотовый, а ты все вне зоны и вне зоны. Волноваться начала. Сейчас вот не выдержала уже и так звоню, чтобы узнать, как ты?

– Лада! Не проси у бога, чтобы стало лучше, проси, чтобы хуже не было. Слава тебе, господи, мне хуже не стало, что может только радовать. А дозвониться ты не могла, потому что тут со связью что-то случилось.

– Ну и слава богу! Сейчас Люсе позвоню и скажу, что у тебя все в порядке, а то она, наверное, тоже волнуется, почему ты не отвечаешь.

– Не надо! Она мне сегодня позвонила, когда еще связь была. Сказала, что ее Герасимовы на несколько дней на дачу пригласили, а там прием плохой – вот она и предупредила меня, чтобы я не волновалась, если до нее дозвониться не смогу. Так что все в порядке, Лада. Ты извини, но я снотворное приняла, очень спать хочется.

Я потыкала себя пальцем в районе левого запястья, намекая на то, что нужно точно выяснить, во сколько Люся звонила, и Лада, покивав мне, поняла, мол, сказала:

– Это ты меня извини, что поздно побеспокоила. А во сколько тебе Люся звонила? Уже после примерки? Сказала, как там платье?

– Нет, где-то в полдвенадцатого. Они же сразу после примерки уехать должны были, – объяснила Большакова.

– Ладно, спрошу у нее, как вернется. Спокойной ночи, Олюшка! – Полянская отключила телефон и озадаченно посмотрела на меня. – Герасимовы, вообще-то, на Гоа отдыхают и раньше чем через неделю не прилетят. А связь в районе их загородного дома действительно работает с перебоями. Таня, ты что-нибудь понимаешь?

– Я понимаю, что вчера что-то произошло и это что-то заставило Люсю сбежать. Мать она предупредила, чтобы та не беспокоилась, а потом... Люси не было в Тарасове год. Подруг у нее, как вы говорите, нет. Парня тоже. Вопрос: к кому она должна была обратиться за помощью в трудную минуту? А только к вам, Лада, потому что вы ее крестная мать и ближайшая подруга Ольги. Больше просто не к кому.

– Но я ее сегодня... – И вдруг Полянская осеклась. – Черт! Меня же сегодня вообще на рынке не было. Нас утром собрали в правительстве, потом я там еще некоторые вопросы порешала, пообедала в их столовой, к Соловьеву заходила. Вышла уже после обеда, села в машину, тут мне Дима и позвонил сказать, что Люся пропала. Господи! – простонала она, хватаясь за свой сотовый. – Там же принято отключать телефоны! Я свой включила только после того, как в машину села!

– Проверяйте пропущенные звонки! – почти приказала ей я.

– Да-да! Конечно! – Ее руки дрожали так, что она никак не могла справиться со своим смартфоном. – Я никогда не перезваниваю на пропущенные звонки: те, кому я нужна, сами обычно снова звонят.

Поняв, что единоборство со смартфоном она проиграет вчистую, я отобрала его у нее и стала смотреть сама, спросив только:

– Как у вас в контактах Люся записана?

– Дочка, – тихо ответила она и обессиленно опустилась на диван.

Найдя то, что нужно, я сообщила ей:

– Люся звонила вам трижды, начиная с девяти, а последний раз в начале одиннадцатого.

– О, господи! – И Полянская, эта железная леди тарасовского бизнеса, заплакала. – Что же делать? Я ведь за Люсю не только перед Ольгой, но и перед богом отвечаю. Ей нужна была моя помощь, а я?..

Дмитрий присел к жене, обнял и, тихо что-то шепча и поглаживая по плечу, стал успокаивать. А я мерила шагами комнату и все пыталась представить себе, что же заставило девушку срочно сбежать и кто пришел ей на помощь. Наконец мне надоела идиллия на диване, и я грубо вмешалась:

– Лада! Дмитрий! Давайте отложим эмоции до лучших времен, сейчас нужно действовать. Где вчерашний охранник?

– Уже должен быть внизу, – неодобрительно взглянув на меня, ответил Полянский.

Я пошла к двери, бросив им на ходу:

– Тогда догоняйте!

Когда я спустилась в холл, оказалось, что вчерашний охранник действительно уже пришел. Это был дядька в возрасте, явно бывший военный, и он наотрез отказался отвечать на мои вопросы, еще и возмущался, что его с выходных дернули, но... Тут он, увидев Полянских, мигом присмирел и, только что не встав по стойке смирно, укоризненно шепнул мне:

– Что же вы, девушка, не сказали, что по поручению госпожи Полянской интересуетесь? Я бы вам сразу все и рассказал. – А потом громко отрапортовал, преданно глядя на Ладку: – За время моего вчерашнего дежурства никаких происшествий не было!

– Меня интересует все, что касается Людмилы Большаковой, – напомнила я. – Выходила ли она вчера? Если да, то когда и с кем?

– Нет, не выходила, – уверенно заявил охранник. – Совсем. Жених ее приезжал, господин Самойлов. Я ей по телефону сообщил, что он внизу, а она сказала, что сама к нему спустится. И действительно, через пару минут появилась, и они здесь, в холле, разговаривали. Ну, окошко-то у меня всегда открыто, и я все слышал. Он ей привез приглашения на свадьбу... Ну, типа открытки... Ну, образцы бланков, что ли...

– Я поняла, о чем вы, – кивнула я. – И что?

– Так, попросил выбрать, какое ей больше нравится, а она ему сухо так ответила, чтобы он сам выбирал. Он к ней опять: «Кто у тебя свидетельницей на свадьбе будет?» А она ему: «Я все равно никого не знаю, кого выберешь, та и будет». Он не отстает: «Ты решила, куда мы в свадебное путешествие поедим?» А Людмила в ответ: «Ты можешь ехать, куда хочешь, а у меня не те обстоятельства, чтобы веселиться». В общем, как с чужим с ним говорила.

– То есть впечатление влюбленной пары они не производят?

– Скажете тоже! – хмыкнул он. – Я помню, как моя дочка замуж выходила, так мы целый месяц ни сна, ни отдыха не знали, весь дом на ушах стоял. Жених у нас с утра до ночи торчал, потому что все время что-то обсуждали: кого приглашать, какое меню, где отмечать... А тут! – Он махнул рукой. – Да женщины с большей душой уют выбирают!

– Значит, недолго он здесь пробыл?

– Ну, самое большее минут пятнадцать. Он еще попросил: «Может, ты меня чаем напоишь?» А она ему: «У меня чай кончился. Кофе тоже. И вообще, у меня голова болит». Повернулась и к себе ушла.

– А как он на все это реагировал?

– Улыбался. Только тигриный оскал поласковее будет. Не хотел бы я, чтобы моей дочери когда-нибудь муж так улыбался. Ну а как ушла она, так и он на выход пошел. Хорошо, что у нас дверь с доводкой, а то шарахнул бы так, что слетела бы. Так он на дверце машины отыгрался, хлопнул ею так, что его внедорожник аж подпрыгнул.

– Ну, это Людмила, наверное, все никак от счастья в себя прийти не может, – глядя на Ладу, проговорила я.

– Скажете тоже! От счастья! Да покойник краше выглядит! А ведь девочка-то какая хорошая! Домашняя, воспитанная, всегда поздоровается. Я же здесь давно работаю, помню, какая она светлая и веселая до Америки была. И вернулась тоже вся сияющая. А потом ее словно пришибло. И ведь даже мне, постороннему человеку, ясно, что свадьба эта ей хуже смерти, а мать что, ничего не видит? Ох, как бы девонька над собой чего не сотворила!

Услышав это, Лада сорвалась с места и буквально вылетела из подъезда, Дмитрий поспешил за ней, а охранник удивленно на меня посмотрел: чего это они? Я в ответ только пожала плечами – не знаю, мол, и спросила:

– А были вчера какие-то визитеры? Ну, там, доставка пиццы или цветов... В общем, в этом роде.

– Нет, – уверенно ответил он. – Мы всех посетителей, если они наверх поднимаются, в журнал заносим, причем данные списываем с паспортов. И то только после того, как жилец подтвердит, что к нему этого человека можно пропустить. Вчера воскресенье было, а жильцы в большинстве своем еще в пятницу вечером за город уехали. Они только вчера вечером возвращаться стали. Нет! – твердо заявил он. – Никого посторонних не было! А к Большаковым так вообще никто не ходит.

Сев в машину, я застала там удручающую картину: Лада рыдала чуть ли не в голос, а Дмитрий, явно исчерпавший все разумные аргументы, подавленно молчал. Молчала и я и ждала, когда же мы поедим. Наконец, немного успокоившись, Полянская упавшим голосом сказала:

– Если Люся с собой что-нибудь сделает, как мне дальше жить? То, что Ольга меня не простит, это понятно, но я же сама себя не прошу.

– Лада! Талейран в таких случаях говорил, что это хуже, чем преступление...

– Это ошибка, – закончила она.

– Да, затея с этим браком была большой ошибкой. Но я хочу вас успокоить: Люся с собой ничего делать не собирается. Будь иначе, она не стала бы возвращаться домой, чтобы переодеться и потом поехать на примерку. Она сбежала бы в чем была, да и вряд ли хоть что-то из вещей с собой прихватила. Нет! Она нашла человека, который ей помог, но ему нужно было все организовать, вот она вернулась домой, переоделась и на примерку поехала как ни в чем не бывало, чтобы потихоньку улизнуть оттуда, то есть потянуть время. И Ольгу она предупредила о том, что несколько дней будет недоступна по сотовому. Думаю, сейчас она где-то спряталась, точнее, ее спрятали. Но меня смущают эти «несколько дней». По всей видимости, она собирается что-то предпринять, но вот что именно? А главное, что послужило причиной ее побега? Явно не визит Георгия, а больше к ней никто не приходил. Но что-то же стало последней каплей? Думаю, ей кто-то позвонил и что-то сказал.

– Чем я могу вам помочь? – спросил Дмитрий, чем немало меня удивил: я-то думала, что он на меня обиделся.

– Я буду вычислять того, кто помог Люсе, потому что, выйдя на него, мы найдем и ее. И начну я со студентов из ее группы и ее одноклассников. Подруг у нее нет, но хотя бы приятельницы должны были быть, вдруг кто-то из них ее приютил? И еще мне нужно будет поговорить с их домработницей – вдруг она что-то заметила или даже точно знает.

– Прямо сейчас этим займусь, – пообещала Лада. – Будут тебе и списки, и имена куратора и классного руководителя. А Елена Васильевна, так домработницу зовут, будет ждать тебя завтра у Ольги дома, я ее предупрежу. На всякий случай – ее фамилия Титова. И учти, если потребуется город наизнанку вывернуть, я его выверну!

– А мне что делать? – снова спросил Полянский. – Может, тебе, Таня, силовое прикрытие обеспечить? Или еще что-нибудь?

– Спасибо, Дмитрий. Если мне потребуется ваша помощь, я тут же к вам обращусь. Просто будьте на связи – мало ли как обстоятельства сложатся, – ответила я, чтобы закрепить установившиеся добрые отношения.

Естественно, Надежда нас ждала – ну, как же она уснет, не узнав последние новости? У меня не было ни малейшего желания обсуждать все еще раз, наоборот, мне нужно было все обдумать и выработать план действий, потому что кое-какие наметки у меня появились. Попросив принести в отведенную мне комнату большой кофейник с крепким кофе и выяснив, где она находится, я обратилась к Дмитрию:

– Дайте мне, пожалуйста, распечатки с телефонов Люси, а еще мне нужна ее фотография из последних.

Он повел меня в кабинет, отдал распечатки и протянул несколько фотографий, взглянув на которые я покачала головой.

– Мне не нужна эта расфуфыренная Барби, мне нужен такой снимок, где она в своем обычном виде. Вы сказали, что она утром вышла из дома в джинсах и ветровке? – Полянский кивнул. – Вы запись скопировали? – Он снова кивнул. – Тогда дайте мне хоть распечатку с записи, что ли.

– Только снимок черно-белый будет, – предупредил Полянский, включая компьютер.

– Да и ладно! – отмахнулась я. – А какого цвета у нее ветровка?

– Серо-голубая. Впереди на груди слева эмблема университета типа печати, на которой дерево и надпись по кругу, а на спине такая же, но большая.

Пока он возился, я начала смотреть распечатки звонков с Люсиного сотового, но ничего интересного там не нашла – сплошь разговоры с матерью. Был, правда, один ее звонок вскоре после возвращения домой, судя по коду, в Штаты, но это, видимо, она сообщила, что работать там не будет. Входящие звонки от Георгия никакого интереса не представляли, а сама она ему ни разу не звонила. Звонки с домашнего телефона меня тоже не порадовали: их было мало. Большая часть, как входящих, так и исходящих, были сделаны явно Ольгой – ну, кто бы стал звонить Люсе из кафе и других принадлежащих Большаковой предприятий, да и ей самой там делать нечего. Титова меня тоже не интересовала – я с ней завтра увижусь, Полянская отпала сама собой. Из салонов «Марьяж», цветочного, красоты и спа звонки были только входящие. И в результате в сухом остатке у меня оказался один-единственный входящий звонок из клуба «Глобус», который был сделан в двенадцатом часу этой ночью со стационарного телефона. Поскольку клуб работал до утра, то мне обязательно должен был кто-то ответить, и я набрала этот номер. Если это был звонок из бара, например, то это вполне мог быть и Георгий. Предположим, разозлившись на Люсю, а потом крепко выпив, он решил высказать ей все, что о ней думает. Но почему он звонил на домашний, а не на сотовый? Может быть, после его визита в воскресенье Люся почему-то на сотовом его номер в «черный» список внесла? Он не дозвонился по нему, вот и позвонил на домашний? Как бы там ни было, но это нужно было прояснить.

Вежливый мужской голос сообщил мне, что я попала в клуб «Глобус», и я удивленно произнесла:

– Клуб «Глобус»? Странно. Я тут на своем сотовом увидела пропущенный звонок с незнакомого номера, вот и перезваниваю – вдруг что-то срочное?

– Извините, я вам ничем не помогу. Аппарат установлен в комнате отдыха персонала, им все пользуются. Видимо, просто кто-то ошибся номером.

– Да, вы правы, скорее всего, так и было, – согласилась с ним я и отключила телефон.

Встретив удивленный взгляд Полянского, я повторила ему:

– Видимо, кто-то действительно ошибся номером, тем более что и разговор-то продолжался самое большее одну минуту или время разговора до нее округлили.

Забрав с собой на всякий случай распечатки – вдруг еще какая-нибудь светлая мысль меня посетит – и фотографии Люси в принаряженном и повседневном виде, я вышла из кабинета, чтобы отправиться в отведенную мне комнату на втором этаже. И вдруг в коридоре я услышала доносившийся из гостиной гневный голос Надежды:

– Я при Таньке молчала, а сейчас тебе прямо скажу: заигралась ты, Клавка! Да ты еще слезами умыться будешь за то, что эту свадьбу затеяла. Я тебе сразу сказала, что Юрка, эта сволочь распоследняя, Люсе уж никак не пара! А ты мне что ответила? Что девочку пристроить надо и он очень достойная партия. Да где ты слов таких нахваталась? Достойная! Лучше бы уж материлась, как привыкла! А то корону на башку напялила, а она тебе последние мозги отдала!

– Оставь меня в покое! Мне подумать надо, а ты мешаешь, – огрызнулась Лада.

– Чем думать-то? – бушевала Надежда. – Или ты от великого ума Ваньку в Германию отправила? В командировку, твою мать! По делам «Немецкого дома»! На два месяца! Ты что, не понимала, что он там обязательно на Ванду то и дело наткаться будет? Ему после Светкиной свадьбы и так хреново было, а стало еще хренее, когда у него постоянно эта девка перед глазами мелькать стала, как напоминание о собственной дурости! Или ты специально решила его, как нагадившего котенка, мордой в собственное дерьмо потыкать, чтобы впредь умнее был? Довела парня до ручки! Из дома ты его сама выперла и с работы вынудила уйти!

– Между прочим, он в Германию не на свидание поехал, а дела делать! Он мой заместитель был! – заорала в ответ Полянская. – А он сбежал оттуда, потому что ему там, видите ли, было морально невыносимо находиться! Пусть учится держать удар, а не скисать, как кисей-

ная барышня, от косого взгляда! У него жизнь впереди, не будет нас с Димой рядом, он что, при первой же неудаче топиться побежит? Ему слово поперек скажут, а он в обморок упадет? Вырастила слюнтяя! Не мужик, а тряпка!

– Да не из-за этого ты на него бесишься! А из-за того, что он Юрку подонком назвал! Уж как он тебя убеждал эту свадьбу расстроить! А ты уперлась, как корова, всеми рогами, и не сдвинешь тебя! Потому ты его и в Германию наладила, чтобы он тебе здесь не мешал! А он, между прочим, Юрку хорошо знает – в одних ведь клубах тусуются! А что Димыч мог узнать? Только что этот гад ментами не задерживался и к суду не привлекался! Да при таком папаше его менты за три версты обходят! А поглубже копнуть он не мог? Или не захотел? Или все-таки выяснил, какой это гад, но ты же у нас самая умная и непогрешимая и решила настоять на своем?

– Заткнись! Не твоего ума дело! – рявкнула на нее Лада.

– А кто тебе еще правду в глаза скажет? Димыч? Да он на тебя до сих пор, как на икону, молится! Вот и получается, что, кроме меня, некому. Ты радуйся, что Тимофевна в санатории после больницы долечивается и еще ничего не знает! А вот если до нее эта история дойдет, то мало тебе точно не покажется!

– Да замолчишь ты или нет? – взорвалась Полянская. – Что-то ты себе больно много воли взяла!

– Не нравится, когда против шерстки гладят? Так я к Митьке жить уйду! Вот вернутся они все с отдыха, только ты меня и увидишь! У него в доме место для меня всегда найдется! Он еще помнит, что у меня на руках вырос! А теперь я с его детьми возиться буду! Думаю, и Тимофевна к нам переберется, ей твои фанаберии уже тоже колом в горле стоят. А ты оставайся здесь и наслаждайся властью, сколько влезет!

– Скатертью дорога! – бросила ей Лада.

– Завтра же уйду! – окончательно озверела Надя. – И ноги моей больше в этом доме не будет!

Видимо, выходя из комнаты, она шарахнула дверью так, что дом содрогнулся, а ей вслед раздалась такая ядреная тирада, что я невольно восхитилась – редко такое можно услышать. А чему удивляться, если Лада, учась на вечернем, днем работала продавщицей в овощном ларьке и от ее мата грузчики мигом трезвели? Это потом она превратилась в бизнес-леди и светскую даму, только от прошлого никуда не денешься – это не рваные колготки, которые можно выбросить и забыть о них.

А Тимофевна, как звала Надя Ладину мать Зинаиду Тимофеевну, была еще покруче своей дочери. Да она даже сейчас, хотя ей под девяносто, и дочь и Надежду за пояс заткнет. Когда началась война, ей было всего одиннадцать. Их семья жила в Белоруссии, и они с отцом чудом уцелели, когда фашисты сожгли их деревню. Вот те, кто спасся, и пошли к партизанам. И она совсем девчонкой стала связной между партизанским отрядом и городским подпольем, а потом прошла вместе с отцом до самого конца войны. Уже после нее, когда он из председателей колхоза по состоянию здоровья ушел, она сама его возглавила и вывела в миллионеры, а для этого даже не железобетонный, а титановый характер нужен! Орден Трудового Красного Знамени, Герой Социалистического Труда! И это кроме ее боевых наград. Видела я на фотографии ее в парадном пиджаке, так все ордена и медали с трудом на груди умещаются. Если дойдет до горячего, то я Ладе не завидую, мать от нее мокрого места не оставит, недаром ее в колхозе за глаза «царицей» звали.

Да, я искренне восхищалась Ладой, по которой жизнь всеми колесами не раз проехала, но она сцепила зубы и, как танк, шла к своей цели, преодолевая все препятствия, а их на ее пути было великое множество. Да, она сделала себя сама: школа с золотой медалью, красный диплом экономического института, аспирантура в Плехановке и кандидатская диссертация, которую ей засчитали за докторскую. Да, она создала свою бизнес-империю, которой успешно

руководила. Но сейчас она заварила такую крутую кашу, что и оглоблей не провернешь. И какой черт дернул ее связаться с Саньчем? Даже если допустить, что он с годами покротчал и уже не тот, что прежде, хорошего от него ждать все равно не приходилось. И теперь мне предстояло найти Люсю, чтобы ее выдали замуж за подонка Георгия? Да меня от одной этой мысли с души воротило, но!.. Такими клиентами, как Лада и другие дамы из «женсовета», не разбрасываются. Значит, мне нужно будет проявить чудеса изворотливости, чтобы эта свадьба ни в коем случае не состоялась, но я сама осталась вне подозрений. Как бы там ни было, но для начала нужно найти девушку.

Комната Ивана оказалась довольно большой, и, главное, при ней имелся свой маленький санузел с душевой кабиной, а мне больше и не надо. Халат Лады оказался мне велик и короток, но я же не собиралась никуда из комнаты выходить, так что сойдет. Впервые за этот совершенно безумный день я с наслаждением приняла душ, причем довольно прохладный, чтобы взбодриться, потому что устала как собака. Потом я устроилась в кресле рядом с журнальным столиком, на котором стоял кофейник с уже остывшим кофе, что меня нимало не расстроило – я и такой люблю. И я принялась раскладывать сложившуюся ситуацию на составляющие, чтобы проанализировать каждую по отдельности, а потом попытаться сложить из них некое подобие единого целого, в котором каждой мелочи найдется разумное объяснение. Работа мне предстояла непростая, потому что все врал, как нанятые, или просто не говорили всей правды.

Итак, что можно считать точно установленными фактами? Люся приехала в Тарасов, не подозревая о том, что ей тут Лада и мать приготовили. И здесь ее ждало неожиданное известие о срочном замужестве, причем ей выбрали в мужа человека, с которым она была просто знакома. Ну а что сделает современная девушка, чтобы узнать подноготную парня? Да еще с учетом высокой квалификации Люси как программиста – иначе бы ей не предложили остаться в Америке работать? Естественно, полезет в социальные сети, куда люди выкладывают о себе даже то, что следовало бы держать в тайне. Пусть даже она не выяснила о Георгии столько, сколько знаю я, но и того, что увидела и прочитала, ей должно было с головушкой хватить, чтобы отбиваться от такого спутника жизни руками и ногами. Может, она и сопротивлялась, но ее заставили подчиниться. Чем ее взяли? Скандалами? Если Люся хотя бы немного пошла в свою мать, то с характером у нее должно быть все в порядке, могла и категорически отказаться. Если же она безвольное существо, то на нее цыкнули, и она тут же скукожилась. А вот если она хоть и с характером, но действительно сильно любит свою мать, то Ольга своими рыданиями, причитаниями и пророчествами несчастной доли неопытной, молодой, но при этом очень богатой девушки в нашем страшном мире могла уговорить ее согласиться.

Мне надоело сидеть, и я, отпив кофе, стала расхаживать по комнате: мне на ходу лучше думается.

Да, скорее всего, так и было, потому что для побега из дома неслабый характер нужен. Хотя ее на это мог уговорить тот, кто пришел ей на помощь, но в таком случае она должна ему абсолютно доверять, а со слов Лады и Нади такого человека в Тарасове у девушки нет. Вопрос: откуда он вдруг взялся? И так вовремя? А не может быть так, что она, узнав о нежелательном замужестве, связалась с кем-то по скайпу, например, и позвала на помощь? Но кого, если она последний год прожила в Америке? Хотя... За три недели американец вполне мог получить российскую визу. Кстати, там же и другие иностранцы учатся, так что это мог быть кто угодно: немец, француз, итальянец... Но чем иностранец мог бы ей здесь помочь? Вывезти из страны? Но ее загранпаспорт остался дома, так что это отпадает. А если там с ней учился парень из России? Он вполне мог бы за три недели до Тарасова добраться и вывезти ее отсюда на машине, вот вам и никаких следов в билетных кассах. Но могла ли Люся бросить мать в таком состоянии? Вряд ли. Да и почему я, собственно, так заиклилась на парне? Может быть, Надя не так уж не права была, когда говорила, что у Люси нетрадиционная ориентация?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.